

Итак, перед нами фундаментальное издание, значение которого выходит далеко за пределы украинской фольклористики. Появление подобных сборников не только стимулирует развитие национальной фольклористики, и в первую очередь новых теоретических обобщений, но и позволяет более глубоко и продуктивно заниматься сравнительными исследованиями. Будем надеяться, что в недалеком будущем и русская фольклористика обогатится подобным изданием. А пока можно с уверенностью сказать, что рецензируемый сборник — одна из крупнейших современных антологий «колыбельной поэзии», полезных и интересных как широкому кругу специалистов, так и всем, кому дорого творчество народа.

Е. М. Левина

НАРОДЫ АМЕРИКИ

D. Bonavia. Mural painting in Ancient Peru. Translated by P. J. Lyon. Bloomington, Indiana University Press. 1985. 224 p., 124 fig., 34 color plates

В США вышел в свет перевод книги Д. Бонавия «Настенная живопись в древнем Перу», испанский вариант которой был выпущен незначительным тиражом в Лиме в 1974 г.¹ Фактически автор написал новую книгу, переработав ее и расширив за счет материалов, появившихся за последние 10 лет. Бонавия — один из крупнейших археологов Перу. У него интерес к крупным проблемам сочетается с безграничным терпением, дошностью, стремлением осмыслить малейшие факты, относящиеся к материалу исследования. Только специалист, наделенный подобными качествами, и мог обратиться к трудной и, скажем прямо, неблагодарной теме (сравнивать добытую историческую информацию с гигантской источниковедческой работой), какой является монументальная живопись Центральных Анд.

Судя по документам эпохи конкисты, а также свидетельствам археологии и иконографии (керамические модели построек), даже жилье здания в доиспанском Перу нередко раскрашивались, стены же храмов покрывались геометрическими и сюжетными изображениями. Настенная живопись составляла едва ли не важнейшую часть храмового декора. В горах, где строили в основном из камня, на стены порой наносился слой глины, служившей грунтом под краску. На побережье Тихого океана здания возводили из сырца, битой глины и обмазанных глиной дерева и тростника и украшали росписями еще чаще.

Однако доиспанская архитектура Перу почти не сохранилась. В результате катастрофических ливней (эль-ниньо), землетрясений, грабительских раскопок и хозяйственной деятельности людей древние сооружения были разрушены до такой степени, что даже точная реконструкция их первоначального облика редко возможна. В отличие от Мезоамерики, где построенные из камня реставрированные монументальные здания привлекают туристов, остатки древних сооружений в Андах обычно не дают представления о том, как выглядели объекты в период функционирования. Естественно, что росписи и рельефы на открытых стенах зданий не могли сохраняться долго. К счастью, на побережье Перу существовала традиция своего рода ритуального захоронения культовых изображений при перестройке храмов. Известны случаи, когда покинутые храмы полностью покрывались искусственной насыпью. Сотни стеновых росписей оказались поэтому аккуратно замурованными и не подверглись воздействию дождя и ветра. Но это не убергло их от разрушения людьми. Тяжелое экономическое положение Перу не позволяет этой стране выделять необходимые средства на охрану и изучение древностей. Зарубежные археологи преимущественно заняты проблемными исследованиями и тратят свои ресурсы на поиски и консервацию памятников искусства в чужой стране не хотят. Все это привело к тому, что древняя монументальная живопись Центральных Анд по сути дела выпала из поля зрения ученых. Каждый год гибнут росписи, имеющие высокую историческую и художественную ценность, многие из которых не были ни описаны, ни зафиксированы.

Исследование Д. Бонавия уместно назвать расследованием, ибо его работа носила вполне детективный характер. Лишь в редких случаях автор книги мог пользоваться полноценными полевыми отчетами. Как правило, ему приходилось поднимать архивы в поисках затерявшихся фотографий, опрашивать оставшихся в живых свидетелей, видевших уничтоженные ныне росписи своими глазами, ездить по памятникам, пытаться определить хотя бы место, где находились изображения, и в случае удачи собрать краску на анализ с последних уцелевших фрагментов. Свою задачу Бонавия выполнил виртуозно. Уличая свидетелей раскопок в противоречиях и неточностях, перуанский археолог трезво отделяет доказанное от возможного и от явно неверного.

Быть может, иногда Бонавия бывает слишком придирчив. Это касается, например, росписей в Уака Пинтада — небольшом храме в долине Ламбайеке на севере Перу, от-

¹ *Bonavia D. Ricchata quellccani; pinturas murales prehispánicas.* Lima, 1974. 187 p.

носящемся к последней четверти I тыс. н. э. Одна из них была открыта в 1916 г., а через 60 лет сделанные с нее прорисовки и фотографии были обнаружены в архиве американским археологом Р. Шеделем. Эта роспись включает мотивы, восходящие к заключительному (пятому) этапу прибрежной цивилизации мочика и к памятникам круга уари-пачакамак в Центральном Перу. Общая композиция соответствует традициям уари (показанные в профиль и заключенные в прямоугольные рамки персонажи устремляются к центральному божеству, изображенному в анфас), многие детали — мочикские. Прорисовка второй росписи была опубликована в 1942 г. Р. Каррион Качот. Она явно сделана человеком, незнакомым с канонами представленных на северном побережье изобразительных стилей и работавшим к тому же небрежно. Однако из этого никак нельзя заключить, что соответствующий рисунок — плод обмана или недоразумения — и был, как считает Бонавия, сделан с изображения не на стене, а на каком-то мелком предмете. Такой вывод, помимо того что он противоречит заявлениям Каррион Качот, не подкреплен наличием достаточно сходных изображений на керамике или металле, к кругу которых мог бы относиться гипотетический оригинал. В ряде специфических деталей рисунок сходен с первой росписью. Это трактовка ступней ног центрального персонажа (четыре острых когтя, отходящих от заполненного восемь кружками в два ряда прямоугольника), ряды дротиков (?) и колечек, в первой росписи обрамляющих второстепенные фигуры, а во второй — орнаментирующие одежду центральной, данной в анфас (на первой росписи соответствующие части такой фигуры, к сожалению, не сохранились), наконец, присутствие в обеих сценах персонажей с телами людей и короткими птичьими клювами. Учитывая небольшие размеры памятника, отнесение обеих найденных на нем росписей к одному периоду и даже их тематическая связь не исключены.

Бонавия сомневается и в аутентичности одной из древнейших настенных росписей Перу, обнаруженной в 1937 г. в Серро-Сечин на северном побережье и реставрированной в начале 1970-х годов. На стенах, обрамляющих вход во внутреннее святилище, нанесены фигуры хищников, видимо пум, и Бонавия доказывает, что западная была сфабрикована реставраторами по образцу восточной, так как никаких сведений о ней, относящихся ко времени первоначальных раскопок, нет. Уже после того, как рецензируемая книга была сдана в печать, руководитель работ в Сечине Л. Саманьо выступил с опровержением этих обвинений и опубликовал фотографию части западной фигуры, сделанной до реставрации².

Прав Бонавия или нет в данном конкретном вопросе, в целом его предельно критический подход к источникам совершенно оправдан. Он заставляет других исследователей обратить внимание на слабости своей аргументации и искать недостающие свидетельства.

В книге Бонавия содержится как технический, так и стилистический анализ росписей. Древние перуанцы в подавляющем большинстве случаев наносили краску на сухую глину и употребляли минеральные красители. Сравнение стили изображений дает наиболее интересные результаты в связи с памятниками конца I — начала II тыс. н. э. на северном побережье. Наряду с многочисленными росписями, в которых смешаны традиции мочика и уари-пачакамак (типа образов из Уака-Пинтада), здесь известен расписной фриз в Чорнанкап, выполненный в иной, «наивной» манере. Аналогии живописи из Чорнанкап прослеживаются на юге северного и на центральном побережье, в частности на тканях из могильника Анкон. Центром распространения данной традиции Бонавия считает долину Уармей, и в этом он, видимо, прав. Археологическая культура или культуры, связанные с соответствующим стилем искусства, пока не изучены, но они явно были одним из важнейших компонентов в формировании прединкских культур побережья — чиму и чанкай.

В книге Бонавия есть и спорные моменты. Перуанский археолог пользуется схемой относительной хронологии, разработанной Дж. Роу и его калифорнийскими коллегами. Она включает три горизонта (ранний — чавин, средний — уари, поздний — инки), два промежуточных периода и начальный период (от распространения керамики около 1800 г. до н. э. до начала раннего горизонта около 1200 г. до н. э.). С нашей точки зрения, горизонты надо понимать как условные таксоны, позволяющие соотносить памятники друг с другом независимо от подверженной изменениям оценки их абсолютного возраста. Бонавия, однако, вкладывает в них более конкретное содержание и считает временем распространения на значительной части территории Перу не просто показательных в хронологическом отношении элементов культуры, а влияния, исходящего из определенных центров — Чавина-де-Уантар и Уари.

Многие американские специалисты с большой осторожностью относятся сейчас к гипотезе о существовании «империи Уари», советский археолог В. А. Башилов подверг сомнению эту концепцию еще в начале 1970-х годов³. Хотя крупное политическое объединение со столицей в Уари близ Аякучо, по-видимому, сложилось в горном Перу в начале VII в. н. э., нет доказательств, что в его состав входило северное побережье, где поселения уари отсутствуют, а найдены лишь единичные образцы орнаментированных в данном стиле тканей и керамики. Выдвинутая М. Мосли теория об экологических причинах кризиса мочикской цивилизации убедительнее предположения о том, что

² *Samaniego L., Vergana E., Bischof H.* New evidence on Cerro Sechin, Casma valley, Peru//Early ceremonial architecture in the Andes. Wash., 1985. P. 165—190.

³ *Башилов В. А.* Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972. С. 187.

мочика проиграли войну с уари⁴. Но если термин «империя Уари», столь часто употребляемый Бонавия, еще как-то может быть обоснован, слова перуанского археолога о появлении под влиянием Уари у индейцев побережья городов просто ставят читателя в тупик. Этот изначально сомнительный тезис кажется особенно устаревшим после работ американских исследователей по программе «Чан-Чан — Моче», доказавшим, что территория между пирамидами Уака-де-ла-Луна и Уака-дель-Соль в мочикской столице была застроена и что этот предшествующий времени возвышения Уари центр трудно охарактеризовать иначе, как город⁵.

Возможно, что в вопросе об «империи Уари» Бонавия предпочел остаться на традиционной для перуанских археологов позиции, дабы не углубляться в проблему, побочную для основного исследования. Однако такой подход отразился на некоторых частных выводах автора. Американские археологи пришли к выводу о запустении старой мочикской столицы к началу среднего горизонта. Однако Бонавия датирует открытые в Уака-де-ла-Луна росписи второй половиной этого горизонта на основании особенностей их композиции, имеющих аналогии в искусстве уари. На наш взгляд, все особенности росписей находят параллели также и в более раннем искусстве мочика. Создается впечатление, что Бонавия потому склоняется к датировке изображений средним горизонтом, что, с его точки зрения, святилища в Моче должны были функционировать и в период «империи Уари». М. Мосли и его коллеги, не обнаружившие следов уари в Моче, пересматривать всю свою концепцию развития культуры на северном побережье из-за отдельных сомнительных иконографических фактов, естественно, не хотят. Но даже если Бонавия прав относительно постмочикского времени создания росписей Уака-де-ла-Луна, его датировка их третьим этапом среднего горизонта все равно вызвала бы замешательство. Иконографические материалы среднего горизонта разделены по этапам для южного и отчасти центрального побережья. Для северного такая работа не проводилась, и непонятно, какой культурный контекст имеется в виду.

По поводу раннего горизонта Бонавия разделяет восходящую к Х. С. Телью точку зрения относительно горного храма Чавина-де-Уантар как центра, определявшего в свое время характер культурного развития на значительной части территории Перу. До недавних пор эта гипотеза господствовала в перуанистике. В отличие от Уари, Чавин не называли столицей «империи», а считали источником распространения религиозного культа и связанного с ним стиля искусства. Причины и механизм такого заимствования оставались не ясны. В последние годы предложена иная концепция раннего горизонта. Новые радиокарбонные датировки и переоценка старых привели Р. Бергера и других американских археологов к выводу о том, что «чавиноидные» центры на побережье на много веков древнее самого Чавина-де-Уантар. Появление в этих центрах во второй половине II тыс. до н. э. изображений с «чавиноидными» особенностями все еще загадочно, но остальные элементы культуры, прежде всего в архитектуре, безусловно, местного происхождения. Что же касается Чавина-де-Уантар, то он был основан в начале I тыс. до н. э. и лишь в середине этого тысячелетия превратился в ведущий региональный центр⁶. Выработанная Дж. Роу на основе анализа изображений из Чавина схема эволюции иконографии, видимо, верна (попытка ее ревизии А. Сойером не кажется убедительной⁷), но она не охватывает больше весь период, соответствующий раннему горизонту, и не годится для датировки памятников побережья.

Определяя временную принадлежность росписей Серро-Сечина, Бонавия исходит из хронологического приоритета Чавина-де-Уантар. Но аналогии с Чавином явно далеки, стратиграфия памятника — крайне запутана, поэтому перуанский археолог не столько отстаивает свою позицию (Сечин — не древнее Чавина), сколько ищет слабые места в аргументах тех, кто датирует Сечин начальным периодом. Как уже говорилось, почти одновременно с книгой Бонавии были опубликованы новые данные о работах в Сечине. Радиоуглеродные даты из заложенного у обводной стены храма шурфа, согласующиеся с образцами из других мест памятника, склоняют к тому, что постройка была завершена ранее 1300 г. до н. э. (и это — принимая даты без поправки, которая удревнила бы их на несколько веков). Если бы эти данные были известны Бонавии, он, возможно, не стал бы относить росписи и рельефы на стенах внутреннего храма (упоминавшиеся фигуры пум, а также рыб) к той же эпохе, что и чавиноидные изображения, и предполагать для раннего горизонта сосуществование реалистического и условного стилей.

Разумеется, вопросы взаимоотношений культур Древнего Перу в раннем и среднем горизонтах очень сложны. Никто не поручится, что позиция Бергера и Мосли по

⁴ Moseley M. Central Andean civilization//Ancient South Americans. San Francisco, 1983. P. 255. Взгляды Мосли развиты также во многих статьях по экологии северного побережья.

⁵ Lange Topic T. The Early Intermediate Period and its legacy//Chan Chan: Andean desert city. Albuquerque, 1982. P. 255—284.

⁶ Burger R.L. The prehistoric occupation of Chavin de Huantar, Peru. Berkeley — Los Angeles — London, 1984. 403 p.

⁷ Sawyer A. R., Mailland M. E. A reappraisal of Chavin//Art of the Andes; Pre — Columbian sculptured and painted ceramics from the Arthur. M. Sackler collections. Wash., 1983. P. 47—67.

данным проблемам, которую мы склонны разделить, не будет в свою очередь поколеблена пока еще неизвестными фактами. Зато можно быть уверенным в непреходящем значении деятельности Бонавии, спасшего от забвения ценнейшие свидетельства доиспанского прошлого и как никогда раньше остро поставившего вопрос о судьбе древних памятников в этой стране. Поэтому книга Бонавии — не только вклад в американистику, но и событие в культурной и общественной жизни.

Образцы стеной живописи открываются в Перу каждый год. Уже после того, как Бонавия завершил работу над книгой, появилась публикация великолепной и не имеющей точных аналогий с известными ранее монументальной росписи в Укупе (долина Санья на северном побережье), созданной в конце I или начале II тыс. н. э.⁸ Факты, приведенные перуанским археологом, заставляют с горечью предполагать, что она, как и почти все предыдущие, обречена на уничтожение.

Ю. Е. Березкин

⁸ *Alva W. L., Meneses de Alva S. Los murales de Ucupe en el valle de Zana, norte del Perú//Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München, 1984. B. 5. S. 335—360.*